

Библиографический список

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Издательство: АСТ, Астрель, Харвест.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
3. Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 2006.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
7. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М.: Наука, 1977.
8. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. М., 1986.

Л.Ю. Перминова (Российская Федерация, г. Екатеринбург)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРОЗЕ В.О. ПЕЛЕВИНА

В.О. Пелевин считается одним из значимых авторов современного постмодернизма. Романы В.О. Пелевина часто строятся на неразличении настоящей и придуманной реальности: «... окружающий мир есть череда искусственных конструкций, где мы обречены вечно блуждать в напрасных поисках «сырой», изначальной действительности» [Генис : электрон. ресурс]. Иногда автор указывает на то, что «изначальная действительность» существует только в нашем сознании, в психической реальности («Наш мир и ум – одно и то же»), и вызывается к жизни процессами мышления, иногда – опровергает это, задаваясь вопросом, где же существуем тогда мы сами. По мнению исследователей и критиков, сложно отыскать не только «изначальную действительность» В. Пелевина, но и подход, некий «ключ» к его творчеству. Мы предположили, что таким ключом может стать собственно лингвистическая составляющая текстов автора, и обратились к исследованию индивидуально-авторских концептов интеллектуальной деятельности в его произведениях.

Интеллектуальная деятельность – чрезвычайно сложная система внутреннего человека. Одно из проявлений этой сложности состоит в том, что практически невозможно описать единый механизм работы данной системы и общие свойства её элементов. «Интеллектуальные части» [Никитина, 2007] могут быть и активными, и пассивными, и живыми, и неживыми, и вместилищем, и вмещаемым; человек, только что обладавший властью над своими мыслями, может быть тут же ими побеждён. Однако можно выдвинуть предположение, что в каждый конкретный период времени доминирует то или иное представление об «интеллектуальных частях» и функционировании человеческого интеллекта в целом: «Представление народа, например, об интеллектуальных способностях человека, безусловно, зависит от его самосознания (от представления о самом себе, о своем месте в мире), от осознания свободы или зависимости своего разума от каких-либо высших сил, от окружающей действительности, в той или иной степени преобразованной силой человеческого разума и т. п.» [Дзюба, 2011, 5]. В статье представлена попытка выявления того, как представлена интеллектуальная деятельность в художественной картине мира В.О. Пелевина.

Обратимся к анализу индивидуально-авторского концепта «Мысль» и рассмотрим группу примеров, отражающих взаимодействие человека с собственными мыслями: «Усилим воли **я прогнал эти мысли**»; «... было неясно, в каком направлении **сдвигать мысли**»; «... потряс головой, словно **отгоняя от себя черные мысли**»; ««Вообще, **гоните от себя само это понятие** – «сумасшедший дом»»; «... и **идея была отброшена**»; «Или ты считаешь, что он уже ничем не способен тебя удивить и достаточно просто сидеть у стены на пыльном коврике для медитации, **отталкивая** набегающие **мысли**, как пловец мертвых медуз».

В приведенных контекстах человек выступает как агент (субъект), а мысль – как пациент (объект воздействия). Позицию предиката занимают глаголы со значением физического воздействия: *прогонять* – ‘заставлять уйти, удалиться (грубо или принудительно)’, *сдвинуть* – ‘двигая, переместить’, *отогнать* – ‘прогоняя, отстранить, удалить’, *отбросить* – ‘бросить в сторону’, *оттолкнуть* – ‘толчком отодвинуть’, *выкинуть (выбросить)* – ‘бросая, удалить, освободиться от чего-нибудь’ [Здесь и далее словарные дефиниции даются по Толковому словарю русского языка в 4-х тт.]. Эти глаголы со значением принудительного перемещения объекта в пространстве сочетаются с лексемами «мысли», «идея», «понятие» и отражают представление автора о том, что

человек обладает способностью контролировать процесс своего мышления, в частности, избавляться от определенных мыслей.

Однако наряду с такими сочетаниями в прозе В.О. Пелевина встречаются и следующие: «... *вдруг одна мысль остановила меня*»; «... и было совершенно непонятно, куда *его закинет* следующая случайная *мысль*»; «... потом обычный *груз пьяных мыслей повлек Сердюка* назад в реальность»; «*Двигало мной примерно такое соображение...*»; «*Вас мучит* какая-нибудь *мысль?*»; «*Его испугала мысль, что там нет ничего, кроме пепси-колы*»; «*Эта догадка напугала меня всерьез, потому что казалась очень правдоподобной на телесном уровне*»; «... почему-то *меня* очень *впечатляла мысль* о том, что камень может неподвижно пролежать на одном и том же месте столько времени...».

Как видно, в этих контекстах, в отличие от предыдущих, мысль выступает как агент, а человек – как пациент. В позиции предиката находятся глаголы физического воздействия (*остановить* – ‘прекратить движение, ход, развитие кого- или чего-нибудь’, *закинуть* – ‘бросить, метнуть куда-нибудь или далеко’, *влечь* – ‘тащить, тянуть’, *двигать* – ‘перемещать, толкая или таща’, *мучить* – ‘причинять кому-нибудь муки, страдания’) и эмоционального воздействия (*пугать* – ‘вызывать испуг, внезапное чувство страха’, *впечатлять* – ‘производить большое впечатление’). Таким образом, мысли тоже обладают способностью контролировать человека, подчинять его своей воле, оказывать влияние на его эмоциональное состояние.

Анализируя сочетаемость репрезентантов концепта с качественными прилагательными, мы видим, что эти прилагательные передают значение крайне неблагоприятного для человека эмоционального воздействия и даже опасности: *дикий* – ‘грубый, необузданный’ и ‘нелепый, странный’, *жуткий* – ‘тягостный, вызывающий чувство ужаса’, *невыносимый* – ‘превышающий терпение, с трудом переносимый’, *неприятный* – ‘вызывающий неудовольствие, волнение, нарушающий чье-то спокойствие’, *странный* – ‘необычный, непонятный, вызывающий недоумение’, *страшный* – ‘вызывающий чувство страха’, *ужасный* – ‘вызывающий ужас’, *уродливый* – ‘некрасивый, безобразный’.

Таким образом, мысль представляется автору как крайне неблагоприятный для человека объект, которому удастся получить над ним контроль. Выясняется даже, что мысль не создается самим человеком, а приходит к нему извне и против его желания:

(1) «*Мысль была неожиданная и непереносимая, и, главное, ни с чем из окружающего не связанная – просто пришла вдруг в голову, в которую ее никто не звал, а выводом из этой мысли было то, что все долгие годы духовной*

работы, потраченные на поиски смысла, оказывались потерянными зря, потому что дело было, оказывается, в тайне».

Однако здесь возникает следующее противоречие: человек способен и сам двигаться к мысли. Согласно классификации Л.Б. Никитиной [Никитина, 2007], это первый вариант движения в аспекте интеллектуальной деятельности: движение человека к мысли. Отметим, что мысль в этом случае часто представлена как источник света: *«Еще гудок, и в моем сознании сверкнула мысль о том, что вчера, перед тем как склонить голову на руль, я довел красную линию на карте точно до черного кружка с надписью «Zabriskie Point»»; «Наконец, нужная фраза ярко вспыхнула в голове»; «Все происходило так быстро, что в момент, когда истина ослепительно просверкивала сквозь эмблему победившей бюрократии, такси все еще приближалось к стене с медведями».*

В следующих примерах (*«Я приближалась к истине постепенно»; «Если оборотень, идя по Пути, найдет новую дорогу к истине, ему не следует маскировать ее в разных путаных символах и ритуалах, как это делают бесхвостые обезьяны»; «Я была уже в двух шагах от истины, но все равно не видела ее»*) движение человека к мысли представлено как постепенное, т. е. совершающееся не сразу, без резких скачков. Кроме того, двигаясь по некой дороге, человек может находиться в разных точках пространства относительно истины: рядом с ней (*«в двух шагах»*) или далеко от нее. Однако на постижение правды влияет не только пространственная близость: можно находиться рядом с истиной, но не «видеть» её.

Движение человека к мысли также представлено следующими глаголами: *просекать* (*«Насчет снега ты правильно просек»*), *въезжать* (*«Только не въехал, кто так придумал круто?»*), *подниматься* (*«... которые поднялись до понимания этой истины»*). Обратим внимание на то, что глагол *просекать* (*просекать* – ‘пробить, стегая или ударяя острым’ представляет появление мысли как преодоление какого-то препятствия, в котором необходимо сделать отверстие, проход.

Таким образом, человек совершает определённые действия (долго идёт, преодолевает преграды), потому что хочет узнать истину, прийти к какой-то мысли. Однако откуда же возникают мысли другого типа – жестокие, страшные и нежеланные? И почему они именно такие?

Анализ сочетаемости показывает, что дело в источнике мыслей. Существующее представление о внешнем происхождении мысли (см., например, устойчивое выражение «мысль пришла в голову») доводится В.О. Пелевиным до логического конца: мысль вполне осознанно внушается «обычному человеку» некими «сверхлюдьми», действующими в собственных интересах (в зависимости от сюжета произведения это могут быть сверхъестественные существа (лисы-оборотни,

вампиры) или же своеобразные «сильные мира сего» (рекламщики, писатели и т. п.)). В подтверждение данного вывода приведем следующие примеры:

(1) «– У меня был один знакомый арбуз, – ответила я, – который считал, что размножение арбузов зависит от их способности **внушить человеку мысль**, будто глотать их косточки полезно»;

(2) «Когда по сюжету нужно, я **вам правильные мысли сам добавляю**, так оно надёжнее»;

(3) «Перед глазами поплыли красные тени, а мысли **сделались похожи на мельничные жернова, вращаемые в голове кем-то усталым и недобрым**»;

(4) «– Потому единственно не догадался, – мрачно сказал Т., – что вы **не вложили этой догадки мне в голову**»;

(5) «Но самым поразительным было то, что **эта мысль не была моей** – я чувствовал, что она каким-то неясным способом **была передана мне Чапаевым**»;

(6) «**Как заронить в них эту мысль?**»;

(7) «**Чувства и мысли, выделение адреналина и других гормонов в организме зрителя диктуются внешним оператором и обусловлены чужим расчетом**».

Лексемы с семантикой воздействия (*внушить* – ‘воздействуя на волю, сознание, побудить к чему-нибудь, заставить усвоить что-нибудь’, *диктовать* – ‘внушать, подсказывать’, в частности, физического (*вкладывать, вращать, передавать*), предполагают наличие кого-то «чужого», «добавляющего» и «диктующего» окружающим определенные мысли. Человек ошибочно считает такие мысли «своими», поскольку они «приходят в голову» именно к нему, однако на самом деле мысли «чужие», и это обуславливает негативные представления о них и беспомощность перед ними.

Для того, чтобы внушение мыслей извне было возможным, необходимо особое «вместилище», способное их принимать. Анализ концепта «сознание» показывает, что сознание современников представляется В. Пелевину пассивным и открытым для разнообразных воздействий. Это следует из анализа сочетаемости лексем «сознание», «психика», «ум», «голова» и «мозги»: с ними употребляются глаголы, отглагольные существительные и страдательные причастия со следующей семантикой:

– проникновения внутрь («...возникает виртуальный субъект этого психического процесса, который на время телепередачи существует вместо человека, **входя в его сознание**, как рука в резиновую перчатку»);

– помещения объектов внутрь («... имеет смысл **подумать о введении в сознание потребителя «Николы Спрайтова**»»; «– Потому единственно не

догадался, – мрачно сказал Т., – что **вы не вложили этой догадки мне в голову**»; «Он **впрыскивается** языком **прямо в мозг** и мгновенно создает свои собственные нейронные цепи, отличающиеся от стандартных контуров человеческого счастья»);

– физического воздействия на объект, изменения его качественного состояния («**Вытесняющий импульс подавляет и вытесняет из сознания** человека все психические процессы, которые могут помешать полному отождествлению с клеткой орануса»); «Насколько Татарский мог судить, никакого сражения между товарами за ниши в **развороченных отечественных мозгах** не происходило»; «Ко мне зимой приезжала пара таких рекламодателей. Хотели **сознание расширить**»);

– подчинения («Лучше не пытаться выйти за свои границы, потому что наваждение, сила которого недостаточна, чтобы **полностью подчинить чужое сознание**, выдает нас с головой»); «Вытесняющий импульс **подавляет и вытесняет из сознания** человека **все психические процессы**, которые могут помешать полному отождествлению с клеткой орануса»);

– интеллектуального воздействия на объект с целью ввести в заблуждение («– А может быть, – сказал Т., – Ариэль по-прежнему **морочит мне голову**, притворяясь вами»; «Ты только **вдумайся**, какой возникает кумулятивный эффект, когда столько **обманутых сознаний** встречается в одну секунду в одной и той же точке»).

Процесс введения в заблуждение часто именуется метафорически; например, в таких сочетаниях, как **запорошить мозги**, **законопатить мозги**, **промывание (контрпромывание) мозгов**: «На Западе заказчик рекламы и копирайтер вместе пытались **промыть мозги** потребителю, а в России задачей копирайтера было **законопатить мозги** заказчику»).

Слова с такой семантикой представляют сознание как чрезвычайно уязвимую область, которая легко подчиняется чужой воле, подвергается трансформациям, «впускает» в себя чужеродные элементы, действует по заданной схеме. Оно ассоциируется с чем-то «захламлённым», своего рода чуланом, в который человек скидывает все, что попадет под руку: «**Поразительно, сколько нового сразу же открывается человеку, стоит только на секунду опустошить заполненное окаменелым хламом сознание!**»).

Разумеется, именно такое сознание и необходимо персонажам-«сверхлюдям» (субъектам воздействия) для успешных манипуляций всеми остальными (объектами воздействия). Данная картина становится ещё более утрашающей, когда выясняется, что мысли в прозе В.О. Пелевина способны вли-

ять на реальность и даже творить её: *«Всё на свете – просто водоворот мыслей, и мир вокруг нас делается реальным только потому, что ты становишься этим водоворотом сам»*. Получается, что интеллектуальная деятельность сама по себе является «строительством» мира вокруг, и потому искаженное субъективное восприятие объекта неизбежно порождает новые фантомы, которые субъект использует в своих целях.

Однако в прозе автора присутствует и позитивная оценка интеллекта, представление о мыслительных процессах как о движении к яркому свету. Тем самым заявляется особая ценность интеллектуальной деятельности именно в данных обстоятельствах: «программируемое» сознание должно приложить все силы, чтобы создать «свои», а не «чужие» мысли, которые приведут к истине. Поэтому многие произведения В.О. Пелевина строятся либо на постепенном прозрении объекта, либо на переосмыслении происходящего субъектом, в обоих случаях – на распознавании ложного и чужого в собственном разуме.

Библиографический список

1. Дзюба Е. В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре : моногр. / Е.В. Дзюба. Екатеринбург, 2011.
2. Генис А. Беседа десятая. Поле чудес: Виктор Пелевин [Электрон. ресурс] / А. Генис. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1997/12/genis1.html>.
3. Никитина Л.Б. Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка : учеб. пособие / Л.Б. Никитина. Омск, 2007.
4. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 4. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.